

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

Продолжение. Начало в № 1 (7) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

1. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН — УЧИТЕЛЬ ВНЕШНЕГО УКЛАДА ЖИЗНИ ПОДВИЖНИКОВ

*Великий Кассиан рассуждает превосходно
и возвышенно.*

Преподобный Иоанн Лествичник.¹

Цель, к которой стремится православный подвижник, состоит в пересоздании себя самого по внутреннему человеку, в облечении в нового человека праведности, святости (Еф. 4, 24). Эта цель и определяет описание преподобным Иоанном Кассианом внешнего уклада, строя истинного подвижника. Сему он посвящает, по преимуществу, первые четыре книги «О постановлениях киновитян». 1) «Об одежде монашеской». 2) «О ночных молитвах и псалмопении». 3) «О дневных молитвах и псалмопении». 4) «О правилах отвергающихся от мира». Как видно, в творениях преподобного Кассиана описание внешнего вида и строя жизни подвижника предшествует изображению подвига внутреннего человека. Это вовсе не значит, что последнее им умалется перед первым. Наоборот, описание действий «внешнего человека» служит лишь некоей подготовкой — основанием к более важному.

Другой причиной такой последовательности служило опасение Преподобного не успеть в своей земной жизни завершить задуманный большой труд. «Мы заботимся прежде всего о том, чтобы на случай, если преждевременный конец нашей жизни воспрепятствует нам изложить предполагаемый трактат, оставить вам в этом сочинении хотя начало особенно важного предмета» (17)². Надо сказать, что это «особенно важное» преподобный Кассиан не откладывал надолго и уже все последующие восемь книг «О постановлениях киновитян» посвятил теме внутренней жизни идущего к Богу человека.

Желающий вступить в киновию подвергался испытанию в искренности его намерения, в опыте его смирения и терпения. Строго проверялось, нет ли у вновь вступающего желания сохранить в своей келлии что-либо из своего прежнего имущества. Не принимали от него денег даже в пользу монастырей, остерегаясь, чтобы он из-за этого приношения не стал бы надмеваться и возноситься перед беднейшими. С удостоенного вступить в братство снимали прежние одежды и облекали в монастырские, научая этим отвергнуть все мирское (28–29). Одежда давалась простая, но опрятная, теплая, которая покрывала лишь наготу и защищала от холода. Щегольство не допускалось. Для постоянной памяти о хранении детской невинности инок носил днем и ночью небольшой кукуль («наглавник»). В руках он имел жезл, напоминающий о необходимости отражать нападающих «духовных зверей». Ноги при холоде или жаре обувал в полусапоги в

¹ Цит. по книге: *Архим. Феодор. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. (Его жизнь и богословско-аскетические воззрения)*. Казань, 1908. С.8.

² Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

знак легкости и готовности благовествовать мир. Но, становясь на молитву или приступая к принятию Святых Тайн, полусапоги снимал. Как воин Христов, всегда готовый к брани, инок постоянно был препоясан (9–13). Снятая со вступающего в монастырь одежда некоторое время хранилась у эконома, пока окончательно не убеждались в ревности испытуемого. Если добродетели его становились очевидны, одежду его отдавали нуждающимся. В ином случае — возвращали ему, а монастырские одежды отнимали. Возроптавший и непокорный выгонялся из монастыря (29–30).

Важное место в жизни иноков-подвижников занимало участие в общественной молитве. Частная — келейная молитва была неизменным продолжением богослужебной.

Во всех Египетских монастырях строго соблюдалось на общих молитвенных собраниях правило чтения двенадцати псалмов с присоединением к сему чтений из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Такая строгость и повсеместность объясняется тем, что правило это было установлено Ангелом, который во время вечернего богослужения, при напряженном внимании молящихся, “пропел единообразно 12 псалмов, по 12 псалме аллилуйя и сделался невидим” (14–16). Египтяне “почитают важным не то, чтобы прочесть много стихов, но то, чтобы понять содержание их”, — замечает преподобный Кассиан о порядке чтения у них псалмов (18). Днем на всем Востоке собирались на богослужение в часы 3, 6 и 9 (по-нашему соответственно в 9, 12 и 15), ибо “в эти часы исполнились важнейшие обетования и совершено наше спасение”. В третий час сошел Дух Святой на святых Апостолов; в шестом часу Господь наш Иисус Христос принес Себя в жертву ради спасения мира, в этом же часу святому апостолу Петру открылась тайна призвания в святую Церковь язычников (сходящий с неба сосуд (Деян. 10)); в девятом — Господь сошел во ад и извел оттуда ветхозаветных праведников (23). Во время монастырского богослужения царило такое молчание, что при множестве молящихся создавалось впечатление, “будто нет никого, кроме читающего псалмы” (17). Читающий псалмы или поющий стоит, все прочие сидят, “потому что от поста и работ дневных и ночных они так устают, что если не дать им этого послабления, то не смогут слушать псалмов” (19). После общественного бдения молитва не с меньшим вниманием продолжается по келлиям, “даже до восхода солнца”, чтобы таким образом “не потерять и той чистоты, которая приобретена псалмопением и молитвами, и ночным размышлением подготовить неослабное усердие, которое нужно сохранить в течение дня” (19, 20, 25). Не преминул преподобный Кассиан также отметить, что с отлученным от участия в молитве нельзя молиться до тех пор, пока он не покается публично, “и настоятель пред всеми братьями не простит ему вину в проступке” (21).

С молитвой у подвижника тесно связан и труд физический. Преподобный Кассиан свидетельствует, что египтяне, творя непрестанную молитву, занимались и рукоделием (22). Праздность подвижниками считалась недопустимой. “Что касается до их занятий, то они и малейшего времени не проводят в праздности, но не-

престанно занимаются не только делами, свойственными дню, но и теми, кои сделать не может препятствовать самая глубокая ночь. Они думают, что чем усерднее будут к рукоделию и работам, тем больше возгорится у них желание высшей чистоты духовного созерцания” (19).

Недопустимым также считалось собирать для себя сокровища земные и даже называть что-либо своим. “В иных монастырях это правило столь строго соблюдается, что... считается большим преступлением для монаха говорить: это моя книга, моя письменная доска, мой грифель, моя одежда, мои полусапоги. За это он должен принести покаяние, если случайно, по неосторожности или по неведению, произнесет такое слово” (32). Если даже кто-либо зарабатывал своими трудами много — не хвалился своей прибылью, все отдавал в общее пользование, себе брал лишь необходимое для пропитания — “только два хлеба” (32–33).

Общая трапеза была у египетских подвижников самая скромная и простая. “Они, — говорит преподобный Кассиан, — считают величайшим наслаждением, если на трапезе братьев предлагается вареная дикая капуста, приправленная солью” (32). Во время трапезы они опускают клубки на глаза, чтобы видеть только предложенную им пищу и чтобы не возникало любопытства, “как или сколько другой употребляет пищи”. Принимается пища при полном молчании. Даже старец, если ему нужно сделать

какое-либо распоряжение, то подает знак не словом, а стучением. Кроме общего стола не позволялось чего-либо вкушать ни прежде, ни после. Проходя через сад, они не только не смели рвать яблоки, но даже поднять и съесть упавшие. Считалось святотатством "дотрагиваться руками до того, что не предлагается всем открыто, за общим обедом, и не готовится экономом посредством братьев же" (34-35).

Для выработки душевной добродетели, приобретения ее и утверждения в ней требуется послушание. Оно предполагает полнейшее подчинение общим монастырским правилам, а также подчинение настоятелю или старцу вплоть до отсечения своей воли, до исполнения любого их указания. Старец, стараясь возводить новичка по ступеням совершенства, приучает его открывать ему все свои помыслы, не таить их "по ложному стыду" (31). Такое открытие помыслов необходимо в духовной жизни: "От того хитрый враг ни в чем не может уловить молодого монаха, как неопытного, ничем не может обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево суждение, и не может убедить скрывать от старца его внушения, как огненные стрелы, бросающиеся в его сердце" (31). Одновременно старец научает младшего побеждать свою волю, свои желания и с этой целью дает ему всевозможные приказания, иногда непонятные новичку, а подчас и противные ему (30). Так, авва Иоанн, подвизавшийся в Фиваиде и послушанием стяжавший дар пророчества, по приказанию старца в течение года ежедневно поливал сухую ветку, воткнутую старцем в землю. Он же по приказанию старца, нисколько не противореча, выбросил за окно сосуд с маслом, который был единственным в пустыне "для своего употребления и для посетителей" (38). А авва Муций по послушанию старцу бросил было даже своего сына в реку. И лишь посланные для тайного наблюдения братья вытащили его (39-40). Говоря вкратце, считалось "худым или добрым только то, что старец признает таким" (31). Что касается исполнения общих монастырских правил или ежедневных послушаний, то о них преподобный Кассиан говорит также назидательно: "Эти службы они (иноки Месопотамии, Палестины, Каппадокии и всего Востока. — К.С.) совершают с таким усердием и смирением, с каким никакой раб не служит господину самому строгому и вельможному. Они не довольствуются теми послушаниями, кои несут по назначению, но еще, вставая ночью, тайно стараются делать за других" (35). Таким образом, послушание в монастырской жизни, и вообще в жизни духовной, занимает одно из первых мест. "Многими опытами доказано, что не может обуздывать своих похотей тот монах (особенно из молодых), который не научился чрез послушание умерщвлять свою волю" (30).

Применялись и наказания к провинившимся. Примечательно, что обращалось внимание на самые, казалось бы, незначительные погрешности или оплошности, не говоря, конечно, о проступках более серьезного порядка. Например, кто-то случайно разбил глиняный кувшин для воды, уронил несколько зерен чечевицы и не собрал их, немного опоздал на общие работы или молитвы, покачнулся при пении псалма, грубо ответил, не сразу после окончания собрания ушел в келлию, без ведома игумена принял письма и ответил на них, небрежно исполнил любое по-

слушание... К вольным и невольным нарушителям порядка, как правило, применялось публичное покаяние, иногда — отлучение от молитвы. За грубые проступки изгоняли из монастыря (33-34, 36).

В основе внешнего и внутреннего уклада жизни подвижников лежит страх Господень и происходящее от него смиренное сознание своей греховности, сокрушение о своих грехах. Этот страх, проникнутый смирением, понуждает подвижника: подчинять свою волю и помыслы старцу — все делать только по его суду; во всем соблюдать послушание, кротость, терпение; никого не оскорблять и ни на кого не обижаться; ничего не допускать не согласного с общим уставом; быть довольным своим жребием; не превозноситься; удерживать свой язык не только от зла, но и не повышать голос; не смеяться легкомысленно (46). Потому-то преподобный Кассиан и призывает: "Решившись служить Богу, пребывая в страхе Божиим и приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям (Сир. 2, 1); ибо "многими скорбями подобает внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22)... Знай, что ты в числе немногих избранных, и, смотря на пример и холодность многих, не охладевай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного" (45). Спасется не тот, кто хорошо начал добродетели, "но кто до конца сохранит их" (Мф. 10, 22) (45).

Описанных условий к спасительной жизни не подобает ждать от кого-либо, кто принесет, создаст их, а должно, по слову Преподобного, самому подвижнику приобретать "своим смирением и великодушием", которые в его власти (48). "Будь слепым, глухим и немым; — слепым, чтобы тебе, подобно слепому, не смотреть ни на кого, кроме избранного тобою для подражания; ... глухим, чтобы не внимать, подобно глухому, тем словам, кои произносят непокорные, упорные, порицатели и подобные им; ... немым ... чтобы быть тебе неподвижным и ничего не отвечать, подобно немому, когда слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К сим правилам надобно присовокупить особенно четвертое ... то есть... в простоте сердца и с верой неси послушание, почитая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает Закон Божий или старец" (47).

Итог всему сказанному о внешнем укладе жизни подвижников подводит сам преподобный Кассиан: "Начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень; от страха Господня рождается спасительное сокрушение сердечное, а от сего — отречение от мира, то есть нищета и презрение всех стяжаний; от нищеты происходит смирение; от смирения же происходит умерщвление воли; а умерщвлением воли истребляются все пороки; по истреблении пороков добродетели плодятся и возрастают; при возрастании добродетелей приобретается чистота сердца, а чистотою сердца приобретается совершенство апостольской любви" (48).

Этот итог не только подводит черту под вышеизложенным, но и открывает перспективу дальнейших наставлений преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

(Продолжение следует)